

Содержание

Чувств и причуд соцветие. Лирический артистизм
Светланы Астрецовой (*Владимир Микушевич*).....7

СЛУЧАЙНАЯ КНИГА. ОТ АВТОРА
(*Светлана Астрецова*)..... 13

ЧАСТЬ I. МОИ ГЕРОИ..... 15

 Интродукция..... 18

 Артюру Рембо..... 19

 Кредо..... 20

 Нотр-Дам в огне..... 22

 «Сад наслаждений» Босха..... 23

 Людвиг..... 24

 Смерть Зигфрида..... 25

 Скульптор..... 26

 I. «За каторжный труд и за ярость азарта...»..... 26

 II. «Говорят, что творец Вселенной...»..... 26

 III. «Мечтают отчаянно и беспечно...»..... 26

 Фрида..... 27

 Суд героев..... 28

 На могиле Пастернака..... 29

 Алхимия кино..... 30

ЧАСТЬ II. ЛАСКОВАЯ СМЕРТЬ..... 31

 Сдается в наем..... 34

 Хроники эпидемии..... 35

 I. «Горожане не безоружны...»..... 35

 II. «Я не помню такой свободы...»..... 35

 III. «Сон бесшумно идет к алькову...»..... 36

След.....	37
Власть времени.....	38
Изображая смерть.....	39
Фантазия.....	40
Ночные острова.....	41
Беглец.....	42
ЧАСТЬ III. СВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ.....	43
После смерти.....	46
Успех.....	47
Лицемеры.....	48
Зависть.....	49
Страх сцены.....	50
Поэтесса.....	51
Искусство красть.....	52
Сделка.....	53
Отель.....	54
Фиаско.....	55
Гонка.....	56
ЧАСТЬ IV. ДЕМОНЫ ЛЮБВИ.....	57
Ревность Мадонны.....	60
Кроме вас.....	61
Трио.....	62
Поражение.....	63
Возвращение.....	64
Простая история.....	65
В руках у вас.....	66
Милый демон.....	67
Любовники.....	68
I. «Сближение — словно танец...».....	68
II. «Бесстрастна и бессмысленна, как космос...».....	68

СОДЕРЖАНИЕ

Счастье	70
О нас	71
Подарок	72
ЧАСТЬ V. ДОРОГИ СВОБОДЫ	73
В путь	76
Выход	77
I. «Чтоб искренне в зале крикнули: «Браво!»...»	77
II. «Когда за спиной расцветают жилища...»	77
Неизбежность	78
Преимущество	79
Неуязвимый	80
Сон	81
Ни шагу назад	82
Песенка проигравших	83
Гордость	84
ЧАСТЬ VI. ГОРОДА И СНЫ	85
Зеркальный лабиринт Люцерна	88
Zytglogge	89
Зальцбург	90
Опера Гарнье	91
Город на краю	92
Стена Плача	93
Дубай	94
Морская пастораль	95
Ласковая смерть	96
ЧАСТЬ VII. ОПАСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ	
(Притчи)	97
Жена скульптора	100
Весы Анубиса	101
Тадж-Махал	103

ЧАСТЬ VIII. КРОВЬ ПОЭТА

(Художественные переводы стихотворений

Жана Кокто)	107
Греция	110
«Я видел в путешествиях не мало...»	111
«Смешенье жара, хрусталя и света...»	112
Балерина	113
Спина ангела	114
Обручальные кольца	115
«Твой хищный проводник на смерть...»	116
Спящий	117
«Покуда на плече твое лицо...»	118
«Меня пугает ложное затишье...»	120
Смерть Нарцисса	121
Смерть Дон Жуана	121
Под землей	122
Земля	123
Последние стихи	124
Зеркало нового декаданса (<i>Лев Пригунов</i>)	125

Чувств и причуд соцветие

Лирический артистизм
Светланы Астрецовой

Само название «Зеркальный лабиринт» сразу вводит читателя в проблематику и контекст книги, чтобы не сказать в ее мир, так как слово «мир» прозвучало бы, пожалуй, в данном случае слишком громко. При этом книгу вряд ли можно признать исключительно камерной. Поверхностный читатель сочтет, что название отдает Серебряным веком, но про книгу Светланы Астрецовой так тоже не скажешь. Очарование Серебряного века для нас все-таки в прошлом, а наш век никак не серебряный, и в книге никакого любования прошлым нет. И вообще это еще вопрос, есть ли в книге прошлое, или оно — разновидность настоящего сразу во всех смыслах этого слова: настоящее — это сегодняшнее, современное, говоря с пафосом, и настоящее — подлинное, неподдельное. Настоящее преобладает в книге, окутывает читателя жарким веяньем, порою обжигающим или даже сжигающим:

Для феникса смерть равносильна рождению:
Века проведя во сне,
Внезапно свободу и оперенье
Обрел Нотр-Дам в огне!

Книга обладает свойством, не так уж часто встречающимся в современной поэзии: она, подобно лабиринту, вовлекает в себя читающего. Лев Толстой считал это свойство главным в искусстве и называл его способностью заражать, что звучит сейчас настораживающе и даже угрожающе. Светлана Астрецова остро чувствует это свойство и даже пытается преуменьшить его, называя свою книгу случайной: «Вторую книгу я стала писать случайно, во время эпидемии, когда вся внешняя жизнь остановилась, а мир, и так ограниченный тремя измерениями, сжался до крохотного пространства в четырех стенах». Но из этого сжатия и возникло пространство «Зеркального лабиринта», как у Лейбница сверхэлементарная частица монада — зеркало вселенной, а у Пушкина в «Пире во время чумы» «бес-смертья, может быть, залог». Но у Пастернака Серебряный век продолжился «на пире Платона во время чумы», а в «Зеркальном лабиринте» надгробие Пастернака открывает перспективу, распространяющуюся на всю книгу:

У самой дороги под синими соснами
 Огромные крылья смежают два ангела.
 Становится к вечеру пепельно-розовым
 Простое надгробие белого мрамора.

Так в книге обнаруживается пепельно-розовый свет, свет вечерней или утренней зари, но что поделаешь, это свет самоизоляции:

Дни — провалы в глазницах трупa,
 Цвет заката окрас павлина
 Превосходит. И, как гомункул,
 Я в стекло заточен безвинно.

Самоизоляция отличается от романтического одиночества и от модернистической замкнутости. Наоборот, одинок тот, кто вне самоизоляции предоставлен самому себе. Возникает солидарность в самоизоляции, своеобразная жутковатая культура, и книга Астрецовой едва ли не первый опыт обследования, поэтического освоения этой культуры, в которой неожиданно оживают архаические предания, древние поверья и чаянья:

Горожане не безоружны,
И распятия в изголовьях,
Словно шпаги. Уходит глубже
Мир в поверья Средневековья.

В новейшем искусстве кино распознается алхимия:

Кодую в келье над ретортой
Я методично, как алхимик.
Мой замысел, пока что мертвый,
Появится на свет. Дав имя,

Рассудок, мускулы и кожу,
Я окружу его ландшафтом.
И правда обратится ложью,
И ложь легко сойдет за правду.

Фрагменты снов, обид, желаний,
Обмана, вымысла и были...
Я, словно врач, сшиваю ткани
И оживляю тело фильма.

Так, вероятно, Альбертус Магнус изготавливал своего андроида, и тот, по преданию, был уже совсем готов, но Фома Аквинский, некстати зашедший в келью учителя,

в ужасе уничтожил искусственного человека. Но от подобного ужаса спасает, как ни странно, обжитое, сближающее пространство самоизоляции.

Вдох — и вбираю с жаждою
Чувств и причуд соцветие.
В меру фантазий каждого
Создан пейзаж бессмертия.

Отсюда воинствующая интимность этих стихов и этой прозы. Интимность отличается от исповедальности или от откровенности. Интимность — это всего только предельная близость, когда другому открываешь то, что скрываешь от самого себя и воспринимаешь это уже через другого, когда неизвестно, кто ты, кто другой. «Зеркальный лабиринт» дарует такую интимность после смерти, но она намечается и при жизни:

Мой портрет на тризне облачен
В раму — на обложке черно-алой,
Он как щит встает перед мечом
(Не краснеют тени перед залом).

Такая интимность с читателем достигается через артистизм. Артистизм — это не просто мастерство, это искусство не только привлекать, но вовлекать в свои пределы или в свою беспредельность. Так вовлекает Астрецова в свою книгу художественные переводы стихотворений Жана Кокто, автора, действительно ей близкого, владевшего, как и она сама, искусством поэзии, графики и кино. Отсюда же ее поэтические притчи, вроде бы проза, но что же тогда поэзия. И все это в бесконечном пространстве коридоров и комнат «Зеркального лабиринта»:

Вводил в обман, манил кругами ада,
Как анфиладами цветных витрин,
Число путей умножил многократно
И тупиков зеркальный лабиринт...

Фонтаны стерегли фигуры мавров,
Павлины спали. Дать смертельный бой
Я жаждал, ожидая Минотавра,
Но был всегда лицом к лицу с собой.

Владимир МИКУШЕВИЧ

*Смерть входит в зеркала, как мы
в обычные двери. Всю жизнь мы
смотрим в зеркало и наблюдаем, как
там работает Смерть, словно пчела
в стеклянном улье.*

Жан Кокто

*Не стоит воздвигать лабиринт,
потому что Вселенная — Лабиринт
уже существующий.*

Хорхе Луис Борхес

Случайная книга

От автора

«Каждая книга поэта — это новая жизнь и маленькая смерть», — писал Александр Блок. Есть смертные авторы, кому дана одна-единственная жизнь. Другие, как фениксы, едва испепелив себя, могут возрождаться бесконечно.

Моя первая смерть в поэзии — книга «По направлению к готике» — была оформлена помпезно. Я любовалась своим портретом в кроваво-черной раме, вынесенным на обложку, — «блоковская незнакомка» в шляпке «с траурными перьями». Я в трауре по себе.

Пришлось научиться гастролировать с презентациями по книжным магазинам, не бояться быть на мушке у зрительного зала. Покойники не краснеют, когда их изучают тысячи внимательных глаз. Но и сейчас я иногда вздрагиваю, видя, как незнакомые люди берут «меня в руки», гладят по лицу и шее. Словно хилеры¹, шарят пальцами по моему телу. Раскрывают мои секреты (мои форзацы?), словно старые фотографии, перебирают мои воспоминания (мои страницы?). Там — на страницах — выставка органов моей души.

¹ Народный целитель, выполняющий бескровные операции путем особых манипуляций рук.